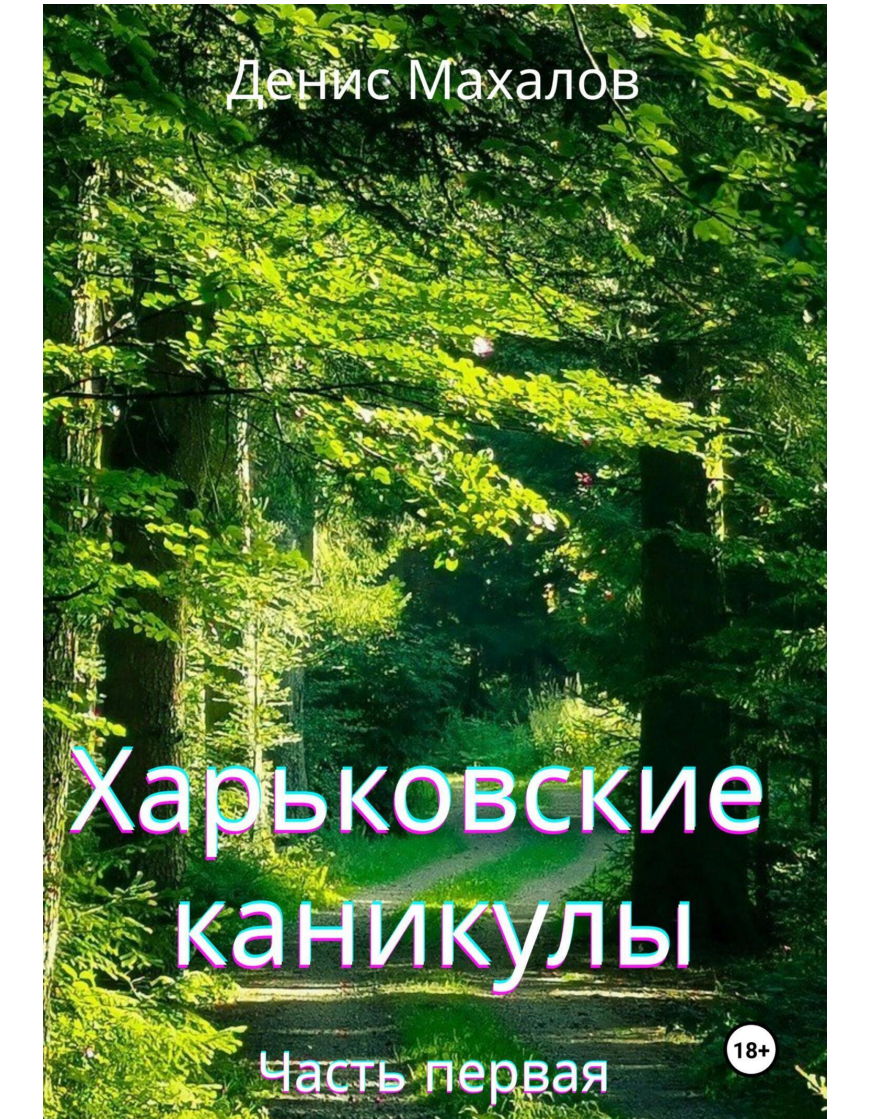

Денис Махалов

Харьковские каникулы

Часть первая

18+

Денис Махалов
Харьковские каникулы.
Часть первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71351071
SelfPub; 2024*

Аннотация

Можно ли написать свою автобиографию так, чтобы это было интересно, смешно и поучительно? Я вот попробовал. Получилось, или нет, судить читателям. Клянусь, что всё, что я тут написал, чистая правда. Ну, может, и приврал где, совсем чуть-чуть, так то не корысти ради, а токмо для связки сюжета.

Надеюсь, книга будет интересна как для людей старшего поколения, чьё детство пришлось на Советскую Эпоху, так и для тех, кто родился после.

Эта книга про советское детство. Без компьютеров, без смартфонов, и без интернета. Зато у нас были рогатки, брызгалки, бутылки с карбидом, дымовухи, спичкострелы, водяные бомбочки, ракеты, воздушки, и прочие самодельные приспособления для «культурного» отдыха. И поверьте, у нас было нескудное и весёлое детство! Есть, что вспомнить!

Содержание

Глава 1. Предисловие.	5
Глава 2. Брызгалки.	8
Глава 3. Помойка.	16
Глава 4. Карбид.	20
Глава 5. Рогатки.	24
Глава 6. Папа Руслика.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Денис Махалов
Харьковские каникулы.
Часть первая

Харьковские каникулы. Часть 1.

Глава 1. Предисловие.

Значительная часть моей жизни прошла в Харькове. Почему именно там? Да всё просто – у меня там жила бабушка. Вот к ней я и ездил. Хотя, вернее сказать, меня возили, т.к. по малости лет меня бы никто одного не отпустил. Возили на поезде, а чаще на самолёте. По прямой – около 1200 километров. Поездом – сутки, самолётом – час сорок. Уж не знаю, сколько тогда стоили билеты, но подозреваю, разница была не особо большой.

Первый раз я оказался в Харькове в 1971 году в годовалом возрасте, ну, а в 1983 году эти поездки завершились. Почему? Об этом тоже как-нибудь расскажу. Крайний раз я оказался в Харькове уже в 1995 году, после распада Союза, но это, опять же, отдельная история, и о ней я тоже как-нибудь расскажу.

Понятное дело, что бывал я там исключительно летом, на каникулах. Что поражало больше всего при перемещении из Ленинграда в Харьков? Обилие зелени. Вернее, так: её необузданное буйство. Нет, в Ленинграде зелени летом тоже достаточно. Но именно достаточно. А вот в Харькове – именно буйство, натуральные джунгли. Растёт всё и везде, на каждом шагу. А ещё потрясающим отличием, всегда меня поражавшим, было наличие в городской застройке огромного обилия кустов крыжовника, смородины (красной и чёр-

ной). А также яблони, груши, вишня, черешня, абрикосы. По стенам домов, как само собой разумеющееся, вьётся виноград.

А жила бабушка Дарья Алексеевна на проспекте Гагарина, в 9-и этажном доме. И весь так называемый 8-й микрорайон – из нескольких девятиэтажных домов, да плюс к ним ещё и несколько 14-и этажных «точек». Как раз аккуратно на границе Основянского и Слободского районов, там, где за пару километров до центра проспект Гагарина поворачивает налево (если ехать по направлению к центру) на 40-45 градусов.

Квартира была на последнем, 9-м этаже, шикарная, 3-х комнатная, с балконом, хоть и небогато обставленная. Ну, да меня это тогда не шибко волновало. Подумаешь, небогато! А у кого богато? Первым делом по приезду лез под кровать – там был заветный уголок, в котором все долгие месяцы моего отсутствия томился в темноте большой рыжий чемодан с моими игрушками. После того, как сладостно обмирая, я извлекал заветный «чумодан», был обязательный ритуал раскладывания на полу всех игрушек, детальный осмотр каждой, проверка работоспособности.

Вторым номером в программе (ну, помимо обязательно бабушкиного обеда или завтрака), был выход на улицу на разведку. А чаще всего это предвлялось походом к моему закадычному другу Серёже Шакшуеву. Жил он в соседнем подъезде. И тоже на 9-м этаже. Подозреваю, что бабушка заранее оповещала его о моём предстоящем приезде, т.к. прак-

тически не было случая, чтобы я к нему пришёл в гости, а он меня не ждал, или отсутствовал (телефона ни у нас, ни у него не было). Надо сказать, бабушка моя, баба Дора, дружила с его бабушкой, бабой Клавой. Да и всю семью его я знал очень хорошо (но об этом позже). Серёжка был на полгода старше меня и на полголовы выше. Вот это мы, нам по 9 и 9,5 лет, лето 1979 года:

Глава 2. Брызгалки.

Второй интересный момент, что кардинально отличало Харьков от Ленинграда – жара. Вернее так – ЖАРИЩА. Если летом в Ленинграде 20-25 градусов норма, а тридцать градусов – это уже очень жарко, то в Харькове тридцатка – это блаженная прохлада. А так – 35-40 нормальная летняя температура. И не сказать, что там люди какие-то более жаростойкие. Просто привыкли, а, может, ничего иного себе и не представляют. Окна бабушкиной квартиры выходили на восток. Солнышко встаёт рано утром, ползёт по небу, и, если не закрыть окно шторами, то уже часам к десяти утра в квартире будет не продохнуть. В девять на улице ещё как-то терпимо – можно перемещаться по открытым местам относительно спокойно. Но к десяти утра – полный швах. Солнце палит так, что даже мы, пацаны, старались подолгу не находиться на открытых местах. Ну, минут 10-15, а потом в спасительный тенёк. Надо сказать, что при наличии огромного количества зелени тень можно было найти практически везде. А ещё был и такой вариант охладиться – зайти в тёмный, прохладный подъезд.

Но разве можно ограничиться такими полумерами, если тебе 8-10 лет? Не-е-е-т! Есть кардинальный выход – вода! Причём, не столько в разрезе «попить», как в смысле побрызгаться! Нет! Не побрызгаться. А реально пообливать

друг друга! С ног до головы! Но где найти воду в изнывающем от жары южном городе? Лужи, те, что помельче, пересыхают быстро, а глубоких не так много.

И тут на сцену выступает его величество краник-барашек. Ну, такая железная крутилка с квадратным отверстием в центре – надел его на шпенёк крана с водой и крути, открывай, воду пускай!

Обладание этим девайсом (тьфу, не было тогда такого слова) ставило тебя в дворовой иерархии на ступеньку выше всех остальных, кто этой приспособой не владел. А почему? Всё просто.

Почти из каждого подвального окна, те, что от уровня земли и до колена, была выведена труба. На трубе кран. Я так думаю, что в частности, и для полива того, что растёт под окнами. Но чаще всего этим уличным водопроводом пользовались дворники – я неоднократно видел, как подсоединив шланг к соску крана, они поливали асфальт. Казалось бы, в чём проблема? Проблема была в том, что ни на одном кране НЕ БЫЛО БАРАШКА! Предусмотрительные дворники их снимали и носили в кармане!

И любой мальчишка-страдалец, возжелавший этой подвальной водички был бессилен – кран рукой не открыть. И вот тут появлялся на сцене счастливый обладатель краника-барашка, и одним мановением руки пускал струю такой желанной воды! Да-а-а-а, таких реально уважали и стремились с ними дружить. И у нас с Серёгой такой краник-бара-

шек был!

А как обливались? Брызгалка – наше всё! Это сейчас в любом детском магазинчике вы найдёте водяные пистолеты на любой вкус. А тогда... Тогда всё делалось своими руками. А надо сказать, что нынешнего разнообразия пластиковых флакончиков тогда не было. Это сейчас, куда ни плюнь тысячи и тысячи пластиковых емкостей любых размеров, фасонов и цветов. Тогда всё было скромнее. Но без брызгалок никто не оставался. Потому что было волшебное место, где мы находили если не всё, то почти всё. Это была помойка (кстати, тема помойки достойна отдельной главы, которая дальше по тексту). Так вот, на помойке мы находили то, что нам было надо.

Идеально условиям задачи отвечали серые, довольно мягкие, пластиковые бутылки из-под какой-то химической дряни – то ли моющее средство, то ли что-то вроде отбеливателя. Бывали они на пол-литра и на литр. Годились и те и другие. Ну, поллитровки это для начинающих, а вот литровки – это для профи. Дырки поначалу ковыряли чем придётся, пока мы с Серёгой не догадались прожигать их нагретым гвоздём. Это был технологический прорыв: если дырка, проковырянная кое-как, с бахромой рваных краёв, давала порой кривую, размазанную струю, то чёткая, с закруглёнными краями аккуратно прожжённая дырка давала струю толстую, тугую, и повышенной убойности.

А когда, в процессе экспериментов, нами была проже-

на дырка повышенного диаметра, миллиметра 3-4, то наступил качественный перелом: вес залпа повысился в разы, и появилась возможность одним мощным нажатием выпустить весь литр воды на противника буквально за 1 секунду. Это был прорыв! Первое время многие (те, у кого не было таких крупнокалиберных брызгалок) даже стали вякать о том, что, мол, так нельзя, мол, это нечестно. А чего нечестно-то?! Сделай и себе такую же!

В конечном итоге такими 1-литровыми крупнокалиберными водяными пушками обзавелись почти все. И тут случилась обструкция... хотя, пардон, сначала небольшая предыстория.

Воевать 1х1 это совершенно неинтересно. 2х2 это уже что-то, 3х2, 3х3, 3х4 уже гораздо интереснее. Чем больше народу с брызгалками, чем интереснее движуха. Обычно боевые действия заключались в активном маневрировании в «зелёнке» и городской застройке, выскакиванию из засад, кинжальном огне в упор. Если был краник-барашек, то старались маневрировать, не особо удаляясь от базы снабжения (кран в подвальном окне), или, зная несколько ближайших точек «подзаправки», перемещались от одной к другой. Часто бывало так, что волшебный барашек был и у противников, тогда разгорались настоящие баталии, в ходе которых кран с водой неоднократно переходил из рук в руки. Конечно же, источники влаги этими дворницкими кранами не ограничивались. Естественные водоёмы в виде глубоких луж то-

же были в почёте. Вода там была, конечно же, погрязнее, и значительно погрязнее, но разве нас это могло остановить?!

Так вот, обструкция. Собралась нас как-то целая толпа, человек пятнадцать. Причём, в толпу пацанов замешалась ещё и кучка девчонок. Уж в каких пропорциях, не помню, но чуть ли не половина (обычно в этих баталиях участвовали только пацаны). Носились по улице, обливались, и как принято, охреневая в атаке, стали расширять географию конфликта: улицы показалось мало, поперлись в подъезд. А затем кучка девчонок из неприятельского отряда сели в лифт и поехали к одной из них домой то ли переодеться (некоторые из бойцов были уже мокрые с ног до головы), то ли подзаправиться водой, не помню. В чьей голове родилась дикая идея преследовать противника и ворваться «на его плечах» в его квартиру, не знаю. А может, идея была в том, чтобы тоже подняться на этот этаж и подстеречь их там, на площадке, когда они будут выходит из квартиры, не помню. Но точно помню следующую картину: толпа мальчишек и девчонок лет по 8-9, человек 10, набились в лифт, как сельди в бочку, и поехали на 9-й этаж. С брызгалками наперевес.

И вот, всей толпой едем в лифте на последний этаж! Все на взводе, стволы вперёд, «предохранители сняты, пальцы на курках»! Ведь противник может ждать нас прямо за дверьми лифта! Такое удобное место для засады! Короче все на взводе, слышно, как бурлит адреналин в юных телах!

Откуда ж нам было знать, что буквально в эти секунды на

9 этаже уже разыгрался первый акт трагедии местного масштаба: Таня Бобешко, заявившись домой в совершенно мокром и грязном платье (вода в этот раз набиралась исключительно из глубокой и грязной лужи), да ещё и притащив за собой в квартиру шоблу таких же грязных юных мурамок, уже получила порцию звездюлей от своего папки, и её папаша, пылая праведным гневом, уже вышел на тропу войны. То есть выполз из своей конуры на лестничную площадку и поджидает лифт, который аккуратно едет с кем-то к нему на 9-й этаж. Щас, мол, дождусь лифта, спущусь вниз, да и разберусь со всем этим малолетним хулиганьём. Лифт останавливается, створки двери разъезжаются в стороны, а там... хопаньки, вот они фулюганы, попались! Сами приехали!! Все разом, всей своей гадской толпой!!!

Да-а-а-а-а.... момент истины. Полсекунды стороны, остолбенев, смотрели друг на друга. В глазах ТанькиБобешкиного папаша метались, мгновенно сменяя друг друга, удивление, негодование, восторг охотника, радость внезапного отмщения и ещё много чего... За эти полсекунды его тело успело сделать только полвдоха, а далее произошло страшное: десяток мощных, толстых струй холодной, грязной воды ударили его в широченную, покрытую густым чёрным волосом грудь. Полсекунды шквального огня, мгновенно вымочившего его с ног до головы.

Почти одновременно с этим палыцы нескольких детских рук судорожно ткнулись в ряд кнопок, вбивая до упора кноп-

ку первого этажа. Двери закрывались уже по душераздирающий рык Танькиного папки, обоссанного десятком струй грязной воды из придорожной лужи. Господи, как мы ехали вниз! Ужас метался в наших неокрепших детских душах. Все эти полминуты, что лифт катился вниз, нам казалось, что горя жаждой мщения Танькин папаша мчится, прыгая через две ступеньки, с этажа на этаж, чтобы поймать и сожрать нас живьём на первом!

Двери лифта распахнулись...

Никого!! Только сверху топот и грохочущий в сумраке подъезда злобный мат. Задыхаясь от ужаса и отчаянно толкаясь, мы всей толпой вывалились на спасительную волю улицы.

Уж не знаю почему он нас не смог догнать – то ли Бобешко-старший был не настолько резвый бегун, то ли его набрякшие от воды треники предательски сползали на колени (а был он только в трениках и тапках). А может, нас спасли его растоптанные тапки системы «ни шагу назад», которые, спадая с ног, не давали ему развить нужную скорость спуска по лестнице. Не знаю...

Знаю только одно – в тот раз мы все счастливым образом избежали возмездия. А могли огрести по самое не балуй. Больше в подъездах мы не воевали.

П.С. всё это безобразие произошло в МОЁМ подъезде и на МОЕЙ лестничной площадке – Таня Бобешко, и её семья во главе с облитым нами её папашей, были нашими соседями.

ми по девятому этажу. Слава Богу, что Бобешко-старший не углядел меня в той разношёрстной толпе малолетних фулюганов, что уделали его залпом из брызгалок.

Глава 3. Помойка.

Тем, кто родился в эпоху тотального изобилия вещей, наверное, будет нелегко понять и принять то, о чём я напишу в этой главе. Это сейчас можно пойти в любой магазин и купить себе всё, что душа пожелает, «от и до». Были бы деньги. А тогда... гм... ну, как сказать? Победнее жили, и значительно победнее. Нет, тем, кто сейчас по собственному незнанию представляет эдакое царство дефицита всего и вся, я уверенно возражу: голодных не было, и в обносках по улице никто не ходил. И игрушки в магазинах продавались, и в немалых, надо сказать, количествах. Но было немного иное отношение к вещам и к воспитанию детей, в частности, в вопросах покупки игрушек.

Что я имею в виду? Сейчас поясню. Мой папа зарабатывал неплохие по тем временам деньги – 200...250 рублей в месяц. Мама – около 150...160. В сумме получалось 350...400. А вот, к примеру, при посещении игрушечного магазина (ну, какой ребёнок может спокойно пройти мимо, и не попытается затащить туда родителей?!), то, на что я мог рассчитывать, была сумма что-то около 30-40 копеек, 50 от силы. Выклянчить игрушку за 1 рубль было НЕВОЗМОЖНО. И в этом была великая мудрость: нефиг баловать, для подарков есть праздники (День Рождения и Новый Год и т.д.), вот тогда и получишь. Вот так я и прирастал игрушками. По празд-

никам. И так жили 90 процентов моих сверстников. Никого особо родители не баловали.

Понятное дело, что мы пытались себе компенсировать «игрушечный голод» иными путями. И у нас это неплохо получалось. Проще говоря, мы сами находили себе развлечения, в большинстве своём бесплатные.

Про брызгалки я уже писал в прошлой главе. Теперь настало время осветить такую тему, как помойка. Вернее, не так, а вот так: ПОМОЙКА.

Причём, что характерно, в Ленинграде, на Петроградской стороне, где я жил до 1979 года (ул. Малая Пушкарская), помойка из себя ничего особого не представляла, так, загородка с несколькими бочками-баками. А вот помойка в Харькове... вот это да! Кладёзь всевозможных сюрпризов и ценностей, в мальчишеском понимании, конечно же.

На местности это выглядело так: построенные метрах в 18-20 перед домом, в ряд 4 гаража, одним куском, воротами к подъездам дома, задами во двор. Вот сзади гаражей-то помойка и была! Огромная куча! Где-то метров 15x5. И высотой метра 1,5 у стенки гаража. По моим прикидкам там едино моментно находилось несколько десятков кубометров мусора. Уж не знаю, почему так было, но это было именно так. Скорее всего, проблема была в несвоевременном вывозе этого добра, и дворники ничтоже сумняшеся вываливали содержимое мусоропроводов (а дома были, напоминая, 9-и этажные) прямо на эту кучу. Вывозилось это в конце концов,

или нет, я не знаю, могу сказать только то, что всякий раз, приезжая к бабушке на лето, я эту кучу мусора находил в её неизменном виде. Понятное дело, что, тем не менее, она как-то обновлялась и дополнялась, иначе зачем бы нас, пацанов, тянуло бы (фактически каждый день) заглядывать на эти развалы в надежде найти что-то ценное.

Находили мы там много чего: сломанные игрушки, всевозможные поломанные механизмы, в виде часов-ходиков, швейных машинок и радиоприёмников, и много-много чего иного полезного и нужного с мальчишеской точки зрения. Но наиболее отчётливо врезался в память один эпизод. Утро, палит солнце, жара градусов 40. Идём с приятелем Серёгой Шакшуевым мимо мусорки (именно так её именовали местные), и тут наше внимание привлекает совершенно круглая консервная банка. В смысле, максимально приблизившаяся своей формой к шару. Так её раздуло. Ясное дело, что ни один здравомыслящий взрослый человек не то что не возьмёт в руки такую банку, но и постарается даже не приближаться к ней. От греха подальше. Но у двух юных, 10-летних опездолов мысли в их головах текут совсем иначе... «Опа, банка! Зырь, какая круглая! А чё в ней? Посмотрим? А давай! А ну-ка об камень её! Никак... а ну-ка теперь камнем сверху! Опять никак... а давай-ка гвоздём, вот этим, здоровенным, да каменюкой сверху, по гвоздю! Да бей ты сильнее, придурок! Да бью я, бью, держи крепче!»

Бабах! Трах-тибидох!

Короче, опыт удался! Тонкая жёсть банки, и без того раздутая изнутри напором протухшего содержимого, была успешно пробита гвоздём, банка громко фыркнула, и нас обоих с ног до головы обдало фонтаном такой вонючей и гнилой мерзости, что думаю, любой скунс просто бы обосрался от зависти. Да какое там! Сдох бы этот скунс, вот и всё! Более гадкой вони я за всю жизнь более не отведывал, то есть не унюхивал! Это было что-то... Жалкие попытки стереть эту мерзость с себя сделали только хуже – мерзость размазалась по нам тонким слоем и завоняла ещё сильнее.

Надо срочно отмыться! Но где?! Как назло, краника-барашка у нас тогда в наличии не было, нужно было искать лужу. А ближайшая лужа была от нас метрах в ста, не меньше.

Как мы бежали к этой луже! Неслись, как два сайгака, и нам казалось, что вонь бежит впереди нас, опережая нас на пару метров! И при первой же попытке остановиться и отдышаться, потоки этой вонючей гадости, облепившей нас жирным слоем, начинали распространять вокруг нас такое благоухание, что пришлось снова набирать темп, лишь бы встречный напор ветра относил подальше от нас это амбрэ.

Что потом? Долгое отмывание самих себя (ноги, руки, шея, лицо), попытки отстирать одежду прямо на улице, получение заслуженных звездюлей дома за уделанную одежду. Да-а-а-а, умные учатся на ошибках других, дураки на своих. Впоследствии мы такие вздутые банки обходили десятой стороной.

Глава 4. Карбид.

Желание что-то взрывать, видимо, заложено в генах у всех мальчишек. Это сейчас пошёл в магазин пиротехники и накупил петард, всяких-разных. А вот тогда-а-а-а... петарды приходилось делать самим. Но ведь это было ещё интереснее! Никто этому не учил, учила улица.

Нам лет по десять – одиннадцать. Выходим утром во двор, опять же, с закадычным другом Серёгой. А на асфальте стоит некая фиговина, типа пылесоса здорового, ну, бачок такой на ножках, от него выются шланги. А вокруг насыпана комками какая-то серо-белая кака. Я в непонятках – что за дрянь? Мой товарищ был более прошаренным в этих делах:

– Это же карбид!

– Что за карбид?

– А щас покажу, пойдём, возьмём пару кусков!

Сказано – сделано. Пара увесистых кусков была схвачена и утащена в ближайшие кусты. Там же, на расположенной недалеко помойке, была раздобыта стеклянная винная бутылка с пробкой. Далее мне был продемонстрирован нехитрый опыт с засовыванием карбида в бутылку и заливанием его водой. Ффффффсссссссс.... Пробку в тот раз плотно закрыть не получилось. Но суть я ухватил. Совместные опыты с привлечением прочих несовершеннолетних обитателей двора продолжались несколько дней (просыпанного сварщи-

ками карбида мы тогда насобирали немеряно). Серёга тоже не очень силён был в этой науке, до всего приходилось доходить методом тыка, но даже наших мальчишеских мозгов хватило на то, чтобы понять всю опасность данного занятия. Ну, в самом деле: в момент заливания воды карбид начинает шипеть, выделять газ, потом ты тратишь драгоценные несколько секунд, чтобы плотно заткнуть пробку, которую газ так и норовит вытолкнуть обратно, да ещё и отбежать и спрятаться надо успеть...

В конце концов пыливый мальчишеский ум, уж не помню чей, всё же нашёл решение. А скорее, это было коллективное творчество. Дотумкали до чего: сначала в бутылку наливали примерно $\frac{1}{4}$ объёма воды, затем через горлышко запихивали плотный пучок сухой травы, примерно половину или $\frac{2}{3}$ объёма бутылки, чтобы верхний слой травы остался сухим. И чтобы вода не доставала до верха пучка травы несколько сантиметров. Сверху на пучок травы аккуратно сыпали карбид. Убедившись, что никакого газовыделения нет, не спеша и обстоятельно забивали пробку. Вуаля! А дальше бутылка переворачивалась, встряхивалась, и... убегай кто куда!

Было прикольно. Громкий хлопок – Быдышь! И бутылка разлетается на мелкие кусочки. Радости полные штаны. Обычно занимались этими опытами подальше от глаз взрослых – чтобы не получить на орехи. Идеальным местом были так называемые гаражи – это был такой длинный пустырь

за домами в виде вытянутого треугольника длиной метров 120-130.

Та сторона, что выходит на Бутлеровскую улицу – это ряд тех самых гаражей, они и смотрят своими воротами на эту улицу (если посмотреть на спутниковый снимок этого места, там на фото чётко видны машинки, гаражи там, по видимости, действующие до сих пор). А вот вся «спина» этого «ГК Жигули» это ровная площадка, залитая толстым-толстым слоем гудрона. Плюс наслоения почвы, трава, мох, кустики, всякий мусор, крупный и мелкий. Короче, пустырь. Вот там-то мы и развлекались.

И вот, удачный день – нас толпа, человек 5-6, бутылок заготовили много, карбида ещё хватает... Бабах! Бабах! Бабах! Веселуха! Ну, всё по-умному: делаем «с пучком сухой травы, безопасным способом», ховаемся за какой-то надёжной преградой. И вот после очередного (кажется третьего) бабаха поднимаем головы и выглядываем в ту сторону, где в отдалении метров 10-15 от нас стояла бутылка.

И видим... прямо рядом с нами, метрах в трёх-четырёх совершенно невменяемого мужика с монтировкой в руках!!!

Ой! Да это же один из автовладельцев, из тех гаражей, что под нами! Видать, его задрали наши бабахи над головой, пока он там у гаража возился со своей машиной, ну, приставил он лесенку, да и полез на крышу этого гаражного кооператива, которая и была нашим полигоном. Ну, чтоб разобраться, как следует, с этим хулиганьём. А чтоб разговор вышел про-

дуктивным (а вдруг их много окажется), прихватил с собой монтировку.

А самое-то прикольное, что в момент, когда он вылез, он никого не увидел – мы то всем гуртом заховались, ожидая очередного бабаха! А тут-то он и вылез, как чёртик из табакерки! А оно как бабахнуло! Чуть ли не у него по ногам (бутылку-то он, видать, и не заметил, он же хулиганов своим зорким взглядом искал).

А тут и мы из-за укрытия бошки-то повывисывали! И тут этот орангутан, только что оглушённый бутылочным бабачком, нас и увидел! Такой рык издал! Кинг-конг отдыхает! Мы с перепугу чуть не обоссались! Видели, как коты заполошно с места вскакивают, когда их чем-то сильно испугать? Вот так и мы вскочили, всей кодлой, когда этот мститель за нами ломанулся! Бляха-муха... как мы бежали, как бежали! Бежали так, будто за нами гнались все демоны из преисподней, так мы труханули. Больше такие опыты мы там не производили. Нуегонафиг.

Глава 5. Рогатки.

Уж не знаю, когда человек изобрёл первую рогатку, наверное тогда, когда появилась первая эластичная, хорошо тянущаяся, резина. Скорее всего, это произошло где-то в конце 19 века. По крайней мере, в начале 20-го века рогатка уже прочно вошла в обиход – в фильме Чарли Чаплина «Малыш» малолетний спиногрыз уже лихо расфигачивает из рогатки стёкла домов (которые тут же за денюжку вставляет работающий с ним в паре стекольщик, которого и играет Чаплин). По понятным причинам мы не рассматриваем в историческом конспекте всевозможные метательные машины средних и прочих древних веков – фрондиболы, требушеты и прочит катапульты. Там ещё никаких резинок не использовалось. Мы поговорим о РОГАТКЕ.

Сейчас любой интересующийся данной темой человек идёт в оружейный магазин и легко за вполне адекватные деньги покупает себе неплохо исполненную и вполне рабочую рогатку. В комплект можно прикупить и прекрасных стальных шариков, дабы было чем её заряжать. И пуляй себе на здоровье.

В наше время всё было не так. Как это началось лично для меня? Где-то году в 1980 (мне 10 лет), приехав в Харьков к бабушке в очередной раз, и встретившись с своим лучшим другом Серёжей Шакшуевым, вижу у него в руках рогатку.

– Во, – говорит, – гляди, чего у меня есть!

Рогатки я до этого видел, но вот подержать в руках, а тем паче применять как то не сложилось. Далее были стрельбы. Всем, чем придётся, но по понятным причинам это были мелкие камешки. И чего-то у нас не очень получалось – то резинка слетала, то камешек в руке оставался... то ещё какая-то фигня случалась. Короче, неправильная была рогатка. А как правильно, мы тогда ещё не знали. Ну, не было ещё у нас такого опыта. А та рогатка, что была у моего приятеля, он её то ли у кого-то отнял, то ли выменял, то ли нашёл – этого я уже не помню. Но делал её точно не он. Анализируя своими детскими мозгами неудовлетворительные результаты боевой эксплуатации данной рогатки, мы пришли к выводу, что во всём виновата резина – старая, плохая... Вот бы новую купить! Но где? Серёжа говорит:

– Я знаю, где! В аптеке! Там продаётся такой жгут, вот это оно и есть, то самое!

До аптеки дошли быстро, минут за пять. Пришли, ломанулись к витрине. Опаньки, вот он родимый, жгутик наш! Да вот только цена... Один рубль! ЦЕЛЫЙ РУБЛЬ! Деньги для пары 10-летних оболтусов почти неподъёмные. Ну, да, давали нам карманные деньги на квас там, на кукурузные хлопья, ну, копеек 10 в день, ну, пятнадцать. Но тут ЦЕЛЫЙ РУБЛЬ! Тысяча чертей! А жгут лежит себе такой на витрине, прямо в руки просится.

И, главное, до хрена его, целый рулон, метров пять, ну куда нам столько? Жалобно скулим в сторону тётеньки в белом халате:

– А можно нам всего лишь один метр отрезать? У нас только 20 копеек... О-о-о-чень надо!

– Нельзя! Только целым рулоном! Цена – один рубль! А вам что, на рогатки, хулиганы? – грозно нависла над нами тётя.

У нас отнялся дар речи и мы потихоньку-потихоньку, сделав рожу «кирпичом», свинтили на улицу. Далее, за углом аптеки, держали военный совет. Даже наших детских мозгов

хватило сообразить, что если мы пойдём, и вот так прямо попросим у взрослых деньги на резину для рогатки, нам этих денег не видать, как собственных ушей. Да и в последующем, даже на квас, деньги будут выдавать чуть ли не под расписку. По итогу совещания было принято вынужденное, но мудрое решение: деньги у бабушки (в моём случае) и у родителей (для Серёги) на квас и кукурузные хлопья продолжать кланчить, но квас не пить и хлопья не есть, а копить на жгут.

Бли-и-и-ин, а какие они были вку-у-у-усные, эти хлопья! Да и квас тоже. Об этом я как-нибудь напишу в одной из глав. Но нет! Нельзя! Строгий запрет на расходы! Мы копим рубль! Несколько дней в жару мы ходили, сглатывая вязкую слюну, мимо бочки с холодным, (нет, ледяным) квасом. Не вкушали таких сладких и вкусных кукурузных хлопьев, а пробавлялись кислым, незрелым крыжовником и твёрдыми, несозревшими ещё абрикосами. У нас была цель!

И вот сбылось! Путём жёсткой экономии в течении нескольких дней вожденный рупь был накоплен, и мы, сжимая в потных кулаках накопленную мелочь, в припрыжку помчались в аптеку. К счастью, там была другая тётя в белом халате, которая спокойно продала нам за рубль драгоценный рулон! Ура! Тут же прибежали к Серёге домой, на балкон, делать новую рогатку. С новой резиной. И только мы начали...

И тут опаньки! Папка Серёгин, дядя Гена, на балкон заглядывает:

– А чего это, вы сорванцы, тут делаете?

Пойманные с поличным, мы даже не успели убрать за спину орудие преступления, и стояли, пряча глаза. Это было фиаско! Мы с ужасом ожидали самых страшных кар.

Но дядя Гена был хорошим, добрым папой. И просто нормальным мужиком. Он протянул руку:

– Ну-ка, дай сюда.

Мой приятель, опустив голову, нехотя отдал недоделанную рогатку папе.

Серёжкин папа покрутил её в руках, похмыкал, и презрительно изрёк:

– Ну кто ж так делает, салабоны?! Не так надо!

Мы, не веря собственному счастью, несмело вопрошаем:

– А как надо?

– А вот щас покажу!

И последующие четверть часа мы заворуженно смотрели, как добрый папа Гена (и вообще мировой мужик) делился с нами настоящей пацанской наукой, как надо делать правильную рогатку. Собственно говоря, никаких особых ноу-хау там не было, он просто показал нам, какой формы должна быть кожа, с какими вырезами под резинку, и оптимальную длину и ширину резины. И главное! Как эта самая резина должна завязываться на рогах рогатки и на вырезах в коже. Весь секрет заключался в том, что это нужно было делать в четыре руки: один, завернув кончик резины за палку (или пропустив его в вырез в коже), что есть силы оттяги-

вал его, а второй толстой ниткой в пару десятков оборотов плотно стягивал эту петлю, завязывая в конце концов нитку двойным узлом. Получалось прочное и надёжное крепление. Теперь резина держалась намертво, и не слетала.

И дело пошло! Получив в руки надёжное оружие, мы пошли наводить шорох. Первыми это почувствовали на своей шкуре голуби. Они толклись большими стаями во дворе, и естественно, стали первыми объектами нашей охоты. Но не тут-то было! Они и так-то от людей шарахались (не у одних нас, видать, были рогатки), а после нескольких наших атак они вообще стали осторожными, и ближе 20...25 метров нас не подпускали.

Как гласит известная поговорка: дурная голова ни рукам, ни ногам покоя не даёт. А головы у нас были дурны-ы-ы-ые! До чего додумались: стрелять с балкона по людям и по машинам.

До пешеходной дорожки метров 40, до проезжей части примерно 60. Это с серёгиного балкона. С моего подальше метров на 15.

Чем стреляли? Гайками и винтиками. У доброго папы Генны на балконе была мастерская, в которой, как и водится у хорошего мастера, были коробочки и кассы с различным крепежом – винтики, шпунтики, гаечки, шайбочки, шурупчики. Лучше всего на роль снарядов подходили гайки. Ну, помните, как у Чехова в рассказе «Злоумышленник»:

– Свинец на дороге не найдешь, купить надо, а гвоздик не

годится. Лучше гайки и не найтить...

Того злоумышленника тоже Денис звали, кстати. И вот два злоумышленника, Денис и Сергей, распотрошив запасы доброго и хозяйственного Серёжиного папы (отблагодарили, называется!), сидят на балконе девятого этажа и шмаляют почем зря из рогаток по людям и машинам.

Вот ё-ка-лэ-мэ-нэ! Даже сейчас стыдно! За дурость свою!

Ну, само собой, мы, как и тот Чеховский злоумышленник, не совсем дурные были: тот с понятием гайки от рельсов отвинчивал, «не все подряд», так и мы с понятием: по людям ничем, серьёзнее, чем гайка М4 мы не шмаляли. Слава Богу, никого не изувечили, хотя и попадали. Хоть такая гайка М4 и весит немного, чуть меньше грамма, но разогнанная хорошей, мощной рогаткой, да ещё по нисходящей траектории... хоть и на дистанции в 40 метров, может ха-а-ароший такой синяк оставить. Что, скорее всего и происходило. К чести будет сказано, наших детских, недоразвитых мозгов хватало, чтобы не стрелять с передней полусферы. Стреляли, как правило, тогда, когда жертва уже поворачивалась к нам спиной, вдогон. В жопу, то есть. И кстати, попадали. Именно туда. Особым приоритетом пользовались тётеньки с хорошей, габаритной кормой: и целиться легче, да и попасть в такой попенгаген интереснее. А уж как они подскакивали, держась ладошкой за жопу, как оглядывались!

Помню, одна особо обиженная тётка после традиционного подпрыга и прикладывания ладошки к подбитой попе, со-

скочила с дорожки и бросилась зачищать ближайшие кусты. Надеюсь там найти своих обидчиков. А два малолетних дебила с рогатками после удачного залпа, присев и разглядывая тётю-бегемотю в щёлки балкона, дрожа от охотничьего азарта, угорали со смеху. Да-а-а-а... дети бывают ещё более жестоки, чем взрослые.

С рогатками ходили практически все, и отпетое малолетнее хулиганье в том числе. Лично был свидетелем (и Серёга тоже, мы вдвоём гуляли), как один такой придурок засадил из рогатки прямо в лицо другому мальчику. Метров с семи-восьми. Попал, паскуда... тот за лицо руками ухватился, и ревя белугой на весь двор, помчался прочь... Что там и как потом с тем мальчиком было, не знаю, но урок мы тогда усвоили – спереди в людей стрелять нельзя. Только в спину или в попу. И лучше всего с большого расстояния. Чтобы не поймали, если что...

Машинам тоже доставалось. Но там было всё гораздо серьёзнее. В смысле боеприпасов. Там, меньше, чем гайка М6 (весит около 2-х грамм) ничего не применялось. Но этим калибром стреляли редко, всё-таки мелковат. Обычно заряжалась гайка М8 весом около 4-5 грамм, или же шёл вообще крупный калибр – 10-граммовая гайка М10.

По каким машинам стреляли? Тут были свои критерии отбора. Легковые машины отпадали сразу – слишком мала цель, вероятность попадания почти нулевая (напоминаю: наклонная дальность до цели – более 60 метров, скорость дви-

жения цели около 60км/ч, время полёта гайки до цели 2-3 секунды, упреждение по цели – несколько корпусов, то есть, метров 30-40). По автобусам и троллейбусам мы тоже не стреляли. Это было некое табу – там весь борт стеклянный, плюс куча людей внутри... не-е-е-е, наших мальчишеских мозгов хватало, чтобы такие глупости не совершать. Грузовики тоже цель так себе. То есть, попасть-то, может быть, и попадёшь, вот только фиг поймёшь – попал, или нет. К этой же категории целей (простых, но неинтересных) относились и огромные скрепперы МоАЗ тёмно-бурого цвета, частенько ездившие по проспекту Гагарина – огромная груда толстого металла, натужно подвывающая на ходу.

Так по каким же машинам мы любили стрелять? Самой лакомой целью были автофургоны – типа хлебного. Если тяжёлая гайка М8 или М10 попадала по фургону, обшитому тонким металлом, громкий и гулкий «Бах!» мы прекрасно слышали и на 60-и метровой дистанции. Частенько после такого попадания водила экстренно останавливал свою колымагу, выходил, и начинал её осматривать со всех сторон, а мы, два недоделанных придурка, трясаясь от страха и возбуждения, угорали от своей смелости и меткости. Дебилы, блин...

А если б этой гайкой да в боковое стекло?! Да в голову водиле?! А ДТП устроить на этом проспекте?! Ну, разве ж дебилы об этом думают?! Вот, мля, до сих пор стыдно за дурь свою!

Третьим номером дебильной жестокости была стрельба по голубям с близкой дистанции, метров с двух-трёх, фактически в упор.

Под срезом крыши, по всему периметру были небольшие прямоугольные вентиляционные отверстия над окнами девятого, последнего этажа. Вот из них-то голуби и высовывались. Иногда они сидели на перильцах, идущих по контуру крыши.

И вот два недоделанных Чингачгука, устав от стрельбы по людям и машинам, развлекали себя ещё и этим: спортивной стрельбой по несчастным голубям. В упор. Промазать было сложно, особенно метров с двух, если он у тебя прямо над головой высунулся. Гаечки МЗ хватало... Ну, не каждый раз, конечно, иногда и вскользь проходило, иногда и мазали. Но и подбивали, наглухо. Тоже бывало. Охотничий инстинкт, ё-моё...

Стыдно.

Мне жена рассказывала, что она тоже с рогаткой в детстве бегала, и тоже, вместе со всеми, на голубей охотилась (известная была в округе хулиганка, хоть и папа – милиционер). Так вот, говорит, после первого (и последнего) подбитого насмерть голубя рыдала от жалости.

Ну, мы, пацаны, от жалости, конечно, не рыдали. И на совесть у меня их всё ж побольше, чем один, но выводы для себя я со временем всё же правильные сделал. Не ты этому голубю жизнь давал, не тебе её и отнимать. Но и насчёт

Остального тоже в конце концов всё осознал.

На память осталась та самая, вырезанная из молодого дубка, а потому почти вечная рогатка, да, сейчас просто голая рогулька, без резины и кожи, но это ТА САМАЯ рогатка, из детства:

П.С. не поленился, взял обрезок жгута, нашёл кусок кожи и заново оснастил рогатку. Помнят руки-то!

Глава 6. Папа Руслика.

Уж коль написал про дядю Гену, Серёжкиного папу, напишу кратко ещё про одного умного и хорошего Харьковского мужика. В соседнем подъезде, в том, где жил Серёжа Шакшуев, жил Руслик. Или, по-человечески, Руслан. Был он на год-полтора младше нас, и мы его не любили. Какой-то не тот у него был характер, не пацанский, может, в мать пошёл, не знаю. Приставучий был, надоедливый. В общем, не любили мы его, и играть с ним не желали. А он к нам всё лез и лез. И до того он нам надоел, хуже горькой редьки, что для того, чтобы его отвадить, стали мы его гнобить: обзывать по всякому, задирать. Он же, будучи этаким упитанным бело-брысым крепышом, частенько лез в драку, откуда и получил погоняло «дерулькин». Ну, дерулькин и дерулькин, нам понравилось, вошли во вкус, уже стали обзывать и тогда, когда он к нам и не лез (видать, кто-то из взрослых ему совет дал). Короче, процесс стал самоподдерживающимся. Совсем пацана затюкали – ему уже и во двор выйти стало проблемой.

Его папе мы тоже гадили помаленьку. Был у него мотоцикл с коляской, который обычно стоял недалеко от подъезда. И вот мы с Серёгой что учудили: набрали комьев земли, ну и забили наглухо мацациклу его выхлопную трубу. А папка Руслика, как раз собрался куда-то по делам. Вышел из подъезда, весь такой в мотоциклином шлеме, в крагах,

оседлал своего коня, а завести то и не может. Тыр-тыр-тыр... трын-дын-дын...

Долго он мучился, мы же, хулиганье малолетнее, за гаражами сховались и угораем со смеху – во какие мы ловкие да смелые. Юные партизаны. Да-а-а, умели мы, гадские дети, нашкодить.

И тут произошло чудо. У папы Руслика (не знаю, как звали этого достойного человека) мотоцикл обычно стоял недалеко от подъезда. А жил Руслик на первом этаже – его окна были аккурат у подъезда, справа первое окно. И вот вечером его папа подкатывает свой мацацикл чуть ли не под свои окна, ну, так, метрах в 3...4-х поставил. И водружает на его коляску какую-то механическую конструкцию (мы сначала не поняли, что это такое). Потом вешает на стенку дома, прямо под своим кухонным окном, лист ватмана. Мы опять в непонятках – что за фокусы?

А надо сказать, что вечером мы постоянно толклись где-то недалеко от подъездов нашего дома, и сии приготовления не остались нами не замеченные. Заинтересованные, мы стояли метрах в 10-15, не подходя ближе. Где-то рядом с папиным мотоциклом тёрся и сам Руслик. А на улице уже сумерки, часов девять точно, уже скоро и спать домой начнут загонять. И тут... о чудо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.